
СТАНИСЛАВ ЗОЛОТЦЕВ

ЧЕСТЬ, СБЕРЕЖЕННАЯ СМОЛОДУ

От редакции: эту статью Станислав Золотцев принёс в журнал незадолго до смерти. Мы публикуем её с запоздалой благодарностью нашему автору, товарищу и соратнику.

* * *

Сначала – пусть скажут сами за себя строки поэта, которому посвящены эти размышления:

*Пока мы бегали по травке,
Завод кряхтел, как Геркулес,
Ведя мартеновские плавки
И ладя доменный процесс.
Неравнодушно выростали
И шли, куда вела страна,
Напористые дети стали,
Прямые внуки чугуна.
И ласка Родины огромной
Была бы меньше неспроста
Без этих труб и дымной домны,
И шлаковоза у моста...*

“Ода заводу” – так, бесхитростно и прямо, поименовано это короткое стихотворение Юрия Конечного, помещённое в первом томе недавно вышедшего в Москве его трёхтомника. Оно, сразу замечу, не представляется мне сколь-либо вершинным из множества его произведений (хотя, безусловно, по-моему – хороший, крепкий и сочный образец русского стиха), а приведено здесь потому, что является одной из самых характерных, стержневых страниц творчества моего уральского сверстника, одним из существенных штрихов, без коих немислим портрет его художественной судьбы. Оно датировано 1982 годом: позднесоветское время, когда, будем откровенны в воспоминаниях, уже не очень многие авторы, даже реальной пролетарской биографией обладавшие, отдавали в стихах щедрую дань заводской теме. Но, полагаю, и не будь под строками сей даты, знающий и зрелый читатель мог бы дать им точное определение – **советское** стихотворение. Что для кого-то в этом слове содержится высшая оценка не только литературная, а кто-то пренебрежительно добавит – “совковое”, то дело иное, социальное, а суть дела: строки рождены действительно глубоко **советским** мировосприятием глубоко рус-

ского автора. И сегодня, по прошествии более полутора десятка “новых” лет, стало очевидно: никакого разлома, разрыва, никаких особых противоречий (кроме разве что “стилистических”, согласно откровению А. Синявского) меж этими двумя определениями творческой сущности нет. Вернее – не было ни для автора обозреваемого здесь трёхтомника, ни для его наставников-земляков Бориса Ручьёва, Людмилы Татьянической и других талантливых тружеников российского стиха, взращённых индустриальной мощью Урала. Ни для единого из настоящих русских поэтов советского времени... Вот в чём меня окончательно убедило это Собрание сочинений моего екатеринбургского товарища – оно поставило точку в нелёгких и долгих размышлениях над взаимоотношениями этих двух понятий – “русский” и “советский”.

Я, разумеется, говорю прежде всего о собственно поэтической составляющей трёхтомника, скажем точнее – и о стихах “для взрослых”, созданных Юрием Конечким более чем за сорок лет, хотя по высшему счёту поэзией пронизано всё, что представлено в его новых книгах, даже его выступления с трибун различных форумов, отстаивающие отечественную культуру. Без преувеличения: поистине диву даёшься и радостной гордостью преисполняешься, видя по-уральски эпический размах его трудов и глубину их. Тут и искромётно-озорная сатирическая проза, и насыщенные весьма колючим по отношению к “рыночной” действительности юмором циклы миниатюр; немалый ряд страниц отдан красочным и улыбочивым детским стихам, в которых автор смело выводит на современный уровень лучшие линии традиций этого жанра. Серьёзного отдельного исследования заслуживает раздел переводов; тут ограничусь лишь одним замечанием – в своих переложениях стихов иноязычных коллег по перу Ю. Конечкий остаётся собой, художником родного языка и своего личностного взгляда на жизнь, однако при этом он так “перевоплощается” в стилистике и в интонациях переводимого стиха, будь то баллада Киплинга, будь то песнь хантыйки, так воссоздаёт колорит и музыку творений другого народа, что перевод становится **фактом** русской поэзии. Ибо идёт он как переводчик по единственно верному в этой литературной сфере пути – перелагает лишь то, что ему близко по душе, родственно по мироощущению... Сделано уральцем за десятилетия немало, а всё ж, говорю, основа им созданного – собственно поэзия. Главный, самый весомый духовный груз, о котором автор сам сказал так:

*Чем больше я груза носил на плечах,
Тем только сильнее от него становился.*

Это – финал “Груза”. А вот не цитаты – лишь названия стихотворений, красивой нитью прошившие первый том: “В кузнице”, “Кирпичи”, “Завод”, “Мастеровые”, “Гидролог”, “Камнерез”, “Шофёр”, “На стройке”, “Старатели”. Не просто красная – суровая нить, стихотворная канва трудового, многообразного, напряжённого, созидательного бытия. Того бытия, которому отданы были судьбы и родителей, и пращуров – и доля самого автора, уроженца уральского индустриального городка, – в самые юные годы он прошёл основательную закалку в цехе, и сполохи раскалённого металла сроднились с жаром первых вдохновений; и вот кувалда

*...По железному пляшет огню,
По извивам кривых заготовок.
Нет конца бесконечному дню.
Каждый вздох то упрям, то неловок...
Но, когда в общежитье иду
И ступаю на пыльные кочки,
Настигают меня на ходу
Наковальной пропеты строчки...*

И – опять-таки! – никуда не уйти от всё того же социально-вехового определения. Да, “вкусные”, сочные, ладные строчки звонкого русского стиха, и однако же – в обоих смыслах явно советского производства. Из тех, что и в прежние времена были не в фаворе у пиитической “элиты” (она же “придворная оппозиция”), считались законодателями литературных мод чем-то второсортным, приземлённым, грубым, чуждым утончённости и изяществу якобы

высокоинтеллектуального стихотворящего “бомонда” (читай — “поэты эстрады”, они же грядущие “прорабы перестройки”). Вспомним: такие понятия, как “народная основа поэзии” или “поэзия труда”, о коих изредка с одобрением отзывались идеологические “смотрящие” в официально-отчётных текстах, оными же столоначальниками и их “высоколобыми” любимцами в кулуарах подвергались высокомерному осмеянию, — стоит глянуть лишь на издевательские пародии уже забытых ныне А. Иванова и З. Паперного... А уж в постсоветские времена “могильщиками советской литературы”, во множестве засевавшими во всяких административных “швыдких” ведомствах и редакционно-издательских фирмах, этот — едва ли не самый плодородный — пласт русской словесности минувшего века и вовсе предан забвению. Объявлен не существовавшим. “Отменён”... Сей глагол в новом качестве я услышал ещё в начале 90-х от одного из впавших в нищету “живых классиков”; с горьким вздохом он говорил: “Мои книги отменены новой властью!”

... Нет, поверьте, я не уйду “в сторону” от конкретных размышлений над творчеством Ю. Конецкого, напротив: тем и знаменателен для меня выход его “ПСС”, что, как почти никакое другое, это издание заставило задуматься над судьбами нашей литературы недавних десятилетий в целом. На то и “друга в поколение” творчество, товарища по трудовой стезе... Ведь что и говорить, немало нашлось в “демократическо-либеральные” годы и таких пишущих, что сами “отменили” былые страницы своих книг (имя им создавшие) из-за их “советскости”, тематики завода и пашни. А то и дальше пошли, как один некогда громогласный (и действительно даровитый) поэт, в былые годы клеймивший оппонентов-“западников” как “духовных власовцев”, а в начале 90-х на страницах своего журнальчика, уже погибшего, опубликовавший роман-восхваление власовской армии... А вот мой уральский сверстник не изменил ни себе, ни знамени нашему рабоче-крестьянскому, и в первых двух книгах его трехтомника звучание определяют прежде всего стихотворения и поэмы, обращенные к трудовой воле “Каменного пояса” — она же и воля духовная, к судьбам её вершителей, как давних, прославленных, так и тех, кто кровным, семейным родством был связан с автором:

*Запалом в гранате — семейные святы,
Мне сны фронтовые отцовские снятся
И бабкины чудо-луга,
И мама в мартеновском, юная, снится,
И прадедов неупокоенных лица,
И тропка в кедрач сквозь лога...*

И это тоже — **отменённые** стихи? Строки, проникнутые чудом восторга от удивительной, то противоречивой, то органичной слиянности двух стихий, среди которых зрела юная душа: заповедной красы уральской горной природы и заводских зарев, рождающих основу материальной силы страны; строфы сострадания и поздней сыновней нежности к людям, вынесшим на себе все тяготы грозных эпох века, — “отменены”?.. Вот ответ на этот далеко не риторический (учитывая разрушительные погромы на ниве российской словесности) вопрос:

*Поэзию, как трепет сердца,
Никто не сможет отменить.*

Сей — тоже далёкий от риторики, выстраданный душой художника слова — вдохновенно-чеканный постулат не Ю. Конецким создан, но без преувеличения скажем: он и ему принадлежит. Замечательная уральская поэтесса Любовь Ладейщикова, его многолетняя соратница и мать его детей, воедино с ним выдохнула эти строки, когда они с несколькими земляками-единомышленниками создавали Цех Поэтов, стремясь отстоять среди “союзписательских” расколов и раздраев честь отечественного искусства стиха, “прицельного искусства”, — говоря словами Конецкого, относящимися к резье по камню; однако слово не твёрже ли самоцветов и алмазов! Своего рода эпиграфом к тем борениям стала ранее написанная Юрием Валерьевичем блистательная миниатюра, не случайно и посвященная самой родной женщине и музе:

*Уже я знаю без прикрас,
Как жизнь обламывает нас,
И тех больнее, кто с талантом.
Но утешает каждый раз:
Алмаз гранится об алмаз,
Пока не станет бриллиантом.*

Не могу не упомянуть здесь о двух не просто знаковых – “знамённых” штрихах зрелой полосы жизни поэта, когда человек вроде бы осторожней и рациональней в поступках становится. В те же дни распада и разрухи, в начале страшного 93-го, протестуя против унижения литераторов “демократическими” властями, Конецкий на заседании ещё не разогнанного тогда городского Совета объявил голодовку – и держал её, покуда не добился пусть малых, но ощутимых сдвигов со стороны администрации... А тремя годами позже на губернаторском приёме в честь приезда Б. Ельцина в его бывшую “партийную вотчину” он отказался “поручаться” с бывшим свердловским “персеком”, когда тот обходил ряды приглашённых. Под объективами телекамер и недобрыми взорами “свиты” президента Юрий демонстративно отвернулся... Признаюсь, при всей своей ненависти к ельцинскому режиму и к его кровавому главе, я всё же счёл бы произошедшее всего лишь жестом – из тех, пусть смелых, жестов, на которые нередко идут “общественные люди” ради придания социальной значимости своему имени; счёл бы... не знай я уже давно творчество и судьбу своего уральского сверстника. У него это был не жест – **поступок**.

Ибо всё творческое бытие Юрия Конецкого – поступок. С самого начала и по сей день, когда он перешагнул рубеж седьмого десятка... С юных лет, когда под бдительным надзором “борцов с опиумом для народа” он слагал строки о вдовах, что в храме поминают своих погибших мужей, отцов и детей:

*Пусть не кладёшь креста ты на лоб,
Уйдя в ночи под тополя,
Не осуждаешь женских жалоб —
Они древнее, чем земля...*

И вот дожило стихотворение конца 60-х “В церкви” до часу, когда древние, как земля, женские молитвы слышатся во вновь открытых храмах – уже по убиенным в Чечне, в Афганистане, на Пресне 93-го, в иных “горячих точках”: что, это тоже “отменённые” страницы поэзии? Чёрта с два!

Настоящая поэзия – всегда опровержение стандартно-стереотипных взглядов на искусство стиха, всегда бунт против несостоятельных “канонов”. Вышедшие книги стихотворений и поэм уральского подвижника словесности, по-моему, символизируют вот что: **плеяда** (термин “поколение” слишком общий и расплывчатый) русских советских поэтов, возвращённых трудовым бытием, выросших с “историко-генетическим” наследным мирознанием верности родной стране, её почве, – плеяда, пришедшая в литературный цех конца 60-х и начала 70-х минувшего века, доказала за десятилетия своей работы прежде всего **животворность созидания** как доминирующего пути отечественной поэзии, как сердцевинной основы лирико-философских и социально-исторических исканий в мире стиха. Множеством своих итоговых страниц (будем верить: итоги предварительные) Ю. Конецкий напрочь опровергает “культово”-лживые утверждения о том, что традиция изображения человека в труде – индустриальном ли, сельском или художественном, – якобы противоречит “интеллектуализму” творчества, глубине мысли или чувственно-эмоциональной раскованности строк. Произведения, созданные им ещё в молодые годы, свидетельствуют об органично усвоенной “школе дум глубоких”, о том, что главные лучи таких разных светил нашего духовного космоса, как Н. Заболоцкий, П. Васильев и Н. Рубцов, в лично-авторском горниле духа обрели свой самобытный сплав. Вот строфы “После грозы”:

*...А ночью, впотьмах, грохотало и выло
Косматое небо, как Западный фронт,
И молния жгучим прожектором била
По тёмным вершинам берёзовых рот...*

*И в братских могилах не спали солдаты,
Ловя черепами удары грозы,
И челюсти были кричаще разжаты,
И листья учили солдатский язык...*

Вслушиваешься в это обновлённое звучание древнего амфибрахия — и ощущаешь воедино две стихии родной земли: неподвластную нам (и слава Богу) мощь природы — и в природе нашей, людской, в глубинах подсознания укоренившуюся грозную стихию нашей давней и недавней Истории... Такой поэт — будь он воистину выкован и закалён заводским металлом — не может не различать стозвучье и стоцветье роскоши зелёного царства трав и лесов, особенно если это — и нива его предков, и край его детства. Мало у кого из пишущих сверстников моих так “перекликаются” меж собой — порою и в “гармонии контрастов”, в явственной трагедийности — трубные и ревушие гласы вот уж точно “тяжелой” промышленности и певучие нежные ноты заповедно-родных уголков сельщины. Причём, как правило, именно в таких “перекличках” проявляется собственно стиховое мастерство автора, проступает искусная строфика, утончённая архитектоника строк:

*Ах, свежескошенный запах мёдов!
Не доходили дымы городов
От огнепальных мартенов и домен:
Мир тишиною всесветной огромен,
Солнцем пронизан и зеленью нов...
...Нет у ни дома, ни старых ворот,
Времени мчащийся водоворот
Не оставляет и камня на камне.
И через эту бездонность одна мне
Память старается выискать брод...*

Этот брод (тут уж без метафоры можно сказать — поистине в огне) для Конечного — понятие “Дом”. Во всём его многообразии. И тот деревянный — изба окраинная, где жил в детстве,

*Где мы росли в черёмуховых зарослях,
Где холодели ноги в струях трав...
...Наш старый дом легко сломали, запросто,
По брёвнышку ломами раскатав.*

Вот провидческая суть поэзии: созданный в 60-х образ сегодня стал **символом**... Это и Дом как очаг, гнездо любви, нежности и родства, создаваемый лирическим героем и его сверстниками. Это и Дом — как Родина. Как судьба. Как Поэзия — и всё это тоже подверглось гибельным напастям. И ради сохранения такого Дома тоже необходим поступок. И самопожертвование, способность к коему — одна из главных основ русской православной души: понимание этого по нарастающей чувствуется в трёхтомнике... Центральной, самой драматической страницей этой панорамы стало, по-моему, стихотворение “Отцовский дом” — микроповесть, внутреннего нравственно-психологического, событийного и социального заряда которой иному пишущему на немалую поэму хватило бы. Взрослые сыновья приезжают в дальнее село к вдовому отцу-старика: пожар спалил отчий дом, и они его строят заново. И вот уже “на стропилах” дом, и старик падает и, умирая, признаётся сыновьям: он сам поджёг старую избу, чтоб только сыновья вспомнили, где их Дом. Где их Родина... Жертва вечерняя... “Всего-то оставалось дел немногo: / Достукать крышу да поставить печь...”

Да, **такой** поэт — не из тех, кто, оглядываясь на своё прошлое, мнётся и уверяет: мол, “не был, не состоял, не участвовал...”, кто стыдливо “обновляет” на нынешний лад или вовсе вычёркивает сугубо “советские” свои творения. Был, участвовал! — потому есть и сегодня! — вот что говорит Юрий Конечный и от своего лица и от лица своих трудовых ровесников, тех, кто, может быть, ни разу в жизни не произнёс слов “гражданственная честь” и “патриотизм”, но для кого они святы смолоду... Потому-то он целиком воспроизвёл во втором томе “Уральский временник” (так в подлиннике) великолепно-

ный свод поэм, раскрывающих дивную, горестную и прекрасную историю Урала именно как “станового хребта” России. А вошли в этот впечатляющий эпос не только произведения, рисующие портреты ратных вождей, вождей духовных, созидателей, промышленников и купцов (Ермак, Татищев, Демидовы, Ползунов, Симеон Верхотурский), но и такие поэмы, как “Кумачовый год”, где воссоздано революционное время, а одним из главных героев стала такая, мягко говоря, неоднозначная личность, как Я. Свердлов. Но – утверждаю! – Конецкий **глубоко прав** в том, что знакомит новых читателей и с такими эпическими страницами своей поэзии. И не только потому, что в них нет ничего конъюнктурного (“при Советах” они с великим трудом шли в печать), и грешно “улучшать” свой творческий облик задним числом. Это – печать нашей Истории: разве мало мы понесли потерь из-за того, что из неё многое вычёркивалось в угоду политповетриям?! **Полнокровие** художественно-исторической картины, созданной поэтом-гражданином, – лишь оно может стать подлинным хлебом духовным. Сказал же сам автор в своём стихотворном комментарии к этому своду: “Я следовал бесхитростной задаче, в архивах документы теребя, понять, как Время шло, смеясь и плача... Жил ненавидя, радуясь, любя”.

Так и сегодня живёт мой талантливый уральский сверстник, подвижник Русского Слова, кипучий и неутомимый поэт Юрий Конецкий. Да разделят читатели его новых книг эту участь...

Псков